

С месяц назад в моей ванной комнате произошло неординарное событие. Я постирал рубашку и повесил ее сушиться, а через некоторое время мое внимание привлек появившийся там своеобразный запах. Он был чуть сладковатый и даже какой-то маняще-свежий, но в то же время к этой свежести примешивался легкий застарелый запах пота. Мне подумалось, что причиной тому могла быть рубашка — ведь подсыхающие рабочие одежды из чистого хлопка часто именно так и пахнут. Я машинально пощупал ее и поднес к лицу.

Мое предположение оказалось верным, более того, запах был мне знаком, но я никак не мог сообразить, откуда? И я стоял и вдыхал его — задумчиво и обстоятельно.

Как вдруг на меня нахлынули воспоминания, а вместе с тем и удивление: это был тот самый крепкий американский запах, который шел от выстиранного солдатского белья и который за-

помнился мне с мальчишеских лет, когда у нас в Гриндавике¹ расположилась американская военная часть². «Ну вот! — промелькнуло у меня в голове, и я в смущении отдернул от лица рубашку. — Даже от твоей одежды уже несет американщиной! А что уж тогда говорить о душе и помыслах?» И мне припомнилось мое первое знакомство с американской армией.

Тогда я нашел на дороге перчатку и принес ее домой. Она возлежала на кухонном столе, а мы, растерянно сгрудившись вокруг, разглядывали эту роскошную перчатку, не понимая, что нам с ней делать. Она была сшита из такого отборного материала, что сохраняла форму руки, хотя никакой

¹ Населенный пункт в юго-западной части Исландии (здесь и далее — прим. перев.).

² Американские войска были введены в Исландию летом 1941 года.

руки в ней и не было. Нам это было незнакомо, мы больше привыкли к исландским бесформенно обвислым рыбацким рукавицам. Правда, те со временем твердели, пузато скукоживаясь, после чего меняли свое назначение — становились детскими варежками. Эта же перчатка явно никогда не меняла своей природы, не принимала на себя чужих обличий. Она точно знала, кто она такая, и верила в свою перчаточную сущность: пальцы чуть согнуты вверх, будто она предлагала нам крепкое рукопожатие, хотя и была внутри пустой. Лежащая вверх ладонью, она тем не менее была отнюдь не просящей подавния: твердо держала форму, а сама — из серой ворсистой кожи, мягкой, будто старательно потертой тем же рашпилем, каким пользовался отец, когда клеил на свои рыбацкие бахилы заплатки.

— Видимо, кто-то потерял эту дорогую перчатку, — наконец проговорила моя мать.

Произнесла она это как-то воодушевленно, однако и с некоторым сожалением, присущим тем, кто не обучен искусству терять и потому радуется каждой возможности вернуть потерянную вещь ее владельцу. Матери и в голову не приходило, что кто-то мог такое сокровище выбросить.

— Но кто же ее мог потерять? — недоумевали мы, не в силах оторвать от перчатки глаз.

Мы не знали, что и думать. Было нетрудно догадаться, что житель Гриндавика такую драгоценную перчатку потерять не мог. Наш народ, как правило, никогда ничего не терял, и потому редко что можно было найти на наших дорогах. Впрочем, иногда нам, ребятам, удавалось наткнуться на прибитые к нашему берегу банки из-под консервов, приплывшие из дальних стран, да еще изредка, на второй день Пасхи, мы находили возле магазина для моряков галстучные булавки. В этот день здешние рыбаки имели обычай напиваться до одури, драться на кулаках с лучшими друзьями и сворачивать друг другу челюсти. В таких боях на землю частенько летели расчески и галстучные булавки.

Однако Пасха уже давно прошла, на дворе стояло лето, и найденная перчатка поэтому представлялась нам полнейшей загадкой и особого рода трудностью, совсем не такой, с какими мы здесь привыкли сталкиваться.

В те годы приличный, облаченный в перчатки люд редко заглядывал в Гриндавик, а на нашу восточную окраину — тем более. Неместные сюда вообще не забредали, если не считать од-

ной ходившей по домам в начале лета тетки. Она появлялась здесь с намерением продать ношеную одежду зажиточных горожан Рейкьявика, а особенно — их сыночков, которые без конца где-то учились. У нас, мальчишек, эта тетка популярностью не пользовалась, и визиты ее восторга не вызывали. Непопулярность эта, и даже ненависть, была вызвана тем, что к спортивного вида жакетам высокообразованных городских дитятей прилагались чаще всего широкие бриджи, представлявшие собой помесь мешка с юбкой. Мы не горели желанием одеваться в такие наряды, опасаясь, что мальчишки постарше и поопытнее засомневаются в нашей половой принадлежности и станут над нами издеваться.

Может, как раз поэтому приличные столичные жители и их чада никогда не приезжали в Гриндавик погулять тихим воскресным днем по берегу моря и пособирать ракушки — из боязни увидеть свои костюмы на телах, так отличавшихся от их собственных, а уж о том, какие к этим телам прилагались темперамент и образ мышления, и говорить не приходится. Наверное, им было не в состоянии смотреть на то, как мы, шалопаи, донашивая брат за братом эти добротные вещи, со временем превращали их в абсолютные, сплошь покрытые заплатами лохмотья.

Так вот, эта торговка — резидентша столичных буржуа — имела обыкновение разворачивать свои свертки с благоговейным трепетом, сопровождая процесс непринужденной болтовней. Сверток покоился на обеденном столе, и она бережно доставала оттуда только что почищенные и пахнущие плотно набитыми пузатыми шкафами одежды, перекидывала их через вытянутую руку, стряхивала с них что-то невидимое тыльной стороной грациозно согнутой (так что пальцы вроде и были согнуты, но к ладони не заворачивались) кисти, которую она затем мягким, но убедительным движением опускала на сложенную в стопку одежду и произносила:

— Это вам не какие-нибудь неблагородные вещицы, тем более что с... — И она с торжественным выражением лица произносила знатную фамилию, редко оканчивающуюся на «-сон»¹. Для большего эффекта тетка прибавляла домашнее

¹ В Исландии вместо фамилий используются патронимы (отчества). Мужские исландские патронимы имеют окончание «-сон» (аналогично русскому «-вич/-ич»). Фамилиями в Исландии пользовались в основном состоятельные исландцы.

паскательное имя отпрыска известной столичной семье и с превеликой важностью добавляла:

— Почти ношеное! Просто мальчонка вырос из брюк...

По какой-то необъяснимой причине эти «мальчонки» всегда вырастали из брюк, но никогда — из курток или жакетов. Это было удивительно, нам было трудно постичь природу такого странного роста. У нас складывалось впечатление, что сыновья знатных столичных граждан только и были заняты тем, что постоянно внезапно вырастали из своих одежд, изнемогая на стезе просвещения и жестких школьных скамьях, но тем не менее их штаны никогда не протирались, о чем тетка триумфально возвещала:

— Вот! Зад абсолютно целый!

Для пущей убедительности она добавляла несколько слов по-датски и завершала обсуждение повествованием о том, как дорого обходится этим «фамилиям» каждый год ездить за границу — а делают они это, конечно же, исключительно во благо отечества и ради образования детей. На обратном пути из загранич им придется останавливаться в Эдинбурге — вот там эти бриджи и были куплены, на самом-то деле именно для нас, хотя кто-то, ну разве что только на минутку, и успел их надеть. Мы, мальчишки, шумно протестовали, хотя и знали, что наши матери поддадутся теткинм увещеваниям, как только та произнесет свою извечную коронную фразу:

— Ну а если ребята не хотят опрятными ходить, то обрежьте вот тут внизу, и получатся у вас прекрасные шорты!

Тетка не забывала многократно подчеркнуть, что одежда была сшита из исключительно добротных тканей, выбранных исключительно порядочными женщинами, которые были замужем за исключительно порядочными, надежными и солидными мужчинами и у которых в исключительно порядочных образцовых семейных домах росли исключительно порядочные, исправные и образованные дети.

После этого нашим матерям оставалось только поддаться желанию помочь таким людям и заплатить. Деньги передавались особым деликатным способом, похожим на то, как обращаются с гагачьим пухом. Купюры не передавались из рук в руки, а с исключительной осторожностью укладывались на стол, и только оттуда уже тетка их забирала. Конечно же, всем хотелось проявить уважение и поддержать материально таких по-

рядочных женщин, что были замужем за такими порядочными мужьями, и поэтому мать привычно произносила:

— Нужно мне нанять Йову-швейку, а то сама-то я не такая уж рукодельница.

— Да уж, дорогая моя, наймите Йову-швейку! — отвечала на это тетка.

Когда она уходила, мы срывали одежду со стола на пол и в приступе ярости топтали ее ногами, а отец в сердцах добавлял, что таким теткам стоило бы «письки повыдирать», а бóшки «засунуть в задницы». После этого одежду молча поднимали с пола.

К Йове-швейке мы так же не питали никаких теплых чувств. Она являлась вслед за торговкой и превращала бриджи в шорты. Йова, в свою очередь, тоже не была о нас особо высокого мнения. Мы были «такими дохлыми», говорила она, что нет ни малейшей возможности, перешивая эти великолепные штаны в шорты, толком подогнать их на таких «беззаядых пацанов».

Придя к нам, Йова первым делом заваливалась на кровать, или, вернее сказать, на наш просиженный диван и спала там целехонький день. Ей, видите ли, было трудно привыкать к новым местам, хотя она со своими швейными причиндалами и пребывала в постоянном перемещении от одного дома к другому. Сном Йова пользовалась, чтобы «привязаться» к новой обстановке — она «всыпалась» в нее. Проснувшись уже под вечер, она долго-долго зевала, подпершись подушкой, а по сути, дремала полусидя — после чего, все еще сидя без дела, с нетронутым шитьем перед собой на одеяле, с усердием пыталась иголкой выловить у себя в голове вошь. Иглой она управляла с великим мастерством, а вшиную охоту сопровождала громкими гневными рассуждениями о том, отчего это ее во всех домах кормят одним бесконечным соленым меньком. У Йовы был визгливый голос, а свои меньковые возмущения она завершала хвалебной одой в адрес пухлозаядых мальчишек из семьи X. Время от времени она прерывала свою охоту, чтобы, внимательно исследовав острие иголки, поскрести затем игольным ушком у себя в ухе. Наконец ей удавалось изловить и прикончить докучливую паршивку вошь, и она хваталась за шитье и уже шила и шила без передыха до глубокой ночи, а мы все это время выслушивали упреки за наши костлявые задницы.

Так вот, найденная мной перчатка не могла принадлежать ни Йове-швейке, ни торговке. У обеих руки были маленькие, и потому мы вынуждены

были искать этому другое объяснение и доискиваться других перчаточных хозяев.

«Американ» тогда стоял у Гриндавика уже порядочное время, и все местное женское население попрядилось стирать ему белье. Военные едва успели раскинуть здесь палатки, а у всех на устах уже горел единственный вопрос: кто же будет для них стирать? В те времена считалось немислимым и почиталось пределом храбрости для мужиков отправляться в места, где не было женщин для стирки белья, и поэтому местный народ поражался опрятности и самоотверженности этих мужчин, отправившихся на войну, не имея с собой никого, кто бы их обстирывал. Может, именно по этой своей стиральной привычке мать и сунула нос в перчатку. Мы тоже все по очереди понюхали перчатку изнутри и сошлись на мнении, что из нее шел совсем не исландский запах. Исландские руки не могли пахнуть так сладко, и потому перчатка, видимо, была с американца — ее внутренность пахла так же, как и выстиранное американское белье.

После долгих обсуждений было решено послать нас в «американову низину». Американцы раскинули свой лагерь чуть пониже Гриндавика, и нам было строго-настроено запрещено торчать там, «у американовой задницы» (в то время все контакты с американцами связывались именно с этим органом). В общем, нам было поручено отнести перчатку «американу», но с наказом ни в коем случае «не тереться у его задницы!». Такое поручение нам показалось легче легкого, мы были уверены, что владелец перчатки тут же найдется, и тогда у иностранцев, да и у всех остальных, не останется ни малейшего сомнения в нашей исключительной порядочности.

И мы отправились через холмы и пустоши и подошли к американским воротам. Бараков от ворот не было видно — они расположились в продолговатой, изогнутой крючком ложбине. Мы показали постовым перчатку, но те, даже не взглянув на нее, тут же пропустили нас через проходную на территорию лагеря. Постучавшись в первый барак, мы молча протянули перчатку, но солдаты, не обратив на нее никакого внимания, принялись нагружать нас разными фруктовыми консервами, а вдобавок отвалили огромную многоугольную жестяную коробку с печеньем. Многочисленные стороны коробки были украшены цветными изображениями лучших военных кораблей Америки, каждый из которых был назван в честь какого-нибудь штата, а по коробочной крышке плыл

самый главный американский авианосец. Напоследок нам вручили футляр для спичек, на одной его стороне была картинка с улыбающимся президентом Рузвельтом, а на другой — отрывок из его знаменитой речи, призывающей американцев помочь братским народам Европы в войне против нацизма.

Без малейшей тени сомнения мы тут же решили, что все эти дары были честно заслуженным вознаграждением за принесенную перчатку. Такие вознаграждения получали дети в книжках, однако в реальности нам с таким сталкиваться еще никогда не приходилось. Конечно же, мы всегда мечтали получить подобное вознаграждение от какого-нибудь столичного богатея, который бы одним воскресным утром вдруг приблудился к нам в Гриндавик, чтобы в сопровождении супруги и детишек побродить в поисках ракушек по берегу моря, но невзначай потерял бы все свое состояние в укромном, скрытом от глаз местечке, о котором никто, кроме нас бы, не знал. Мы были уверены, что богатенький обязательно пошел бы туда по-большому и, присев на корточки, потерял бы из кармана свой толстенький кошелек. Однако на деле мы никогда ничего ценного не находили, если не считать выброшенных на берег банок с остатками гуталина. От гуталина пахло так же, как и от конского жира, которым мы натирали наши ботинки, — сального и отвратительного на вид, впитывающего в себя всю пыль и песок, и ботинки поэтому выглядели так, будто были покрыты застывшей лавой. Гуталиновые находки обладали одним существенным недостатком: у нас не было возможности доплыть до Англии и получить в награду за находку набор картинок с британскими траулерами. Такие картинки с красовавшимися на них нагруженными всяким добром траулерами вкладывались в сигаретные пачки и были только у тех, чьи отцы курили.

Короче, домой мы вернулись и с перчаткой, и с подарками, но вместо радостного ликования и благодарности вся кухня буквально взбесилась. Нас тут же принялись лупить за подлизывание к «американовой заднице», а при этом еще обзывали брехунами, когда мы пытались объяснить, что ни один из американцев не пожелал объявить себя владельцем такого великолепия, каковым, конечно же, являлась эта перчатка.

Когда с поркой было покончено, нас недругнувшей рукой снова вытолкали за дверь со

словами, что нога наша не переступит этот порог до тех пор, пока мы не вернемся назад с пустыми руками и чистой совестью.

Свежеотшлепанные и все еще всхлипывающие, мы снова поплелись через холмы и пустоши по нашим великим гриндавикским каменюкам и уж, конечно, под нашей извечной промозглой моросью — с перчаткой и доброй половиной американского флота на ярко раскрашенной многоугольной жестяной коробке. В ней, уложенное в три этажа, покоилось драгоценное печенье, и каждое сладко дремало в расписанном затейливыми узорами бу-мажно-коричневом гнездышке. Этот клад нам было приказано вернуть, а только затем честными и неповинными вновь переступить порог нашего дома.

Дежурные на проходной заключили, что нам не хватило подарков, так как мы в отчаянии тянули к ним перчатку и указывали на груз в наших руках. В нашем понимании это означало, что они должны были забрать у нас и то и другое, но для них, по всей видимости, эта перчатка была какой-то специальной исландской попрошайничьей перчаткой. У самих постовых ничего не было, в подтверждение этого они вывернули перед нами карманы, а потом велели нам снова проследовать в лагерь.

А в лагере нас встретили с распростертыми объятиями. Американцы пришли к выводу, что до этого надавали нам ну до смешного мало подарков. Теперь на старые дары они нагромодили еще одну коробку с печеньем, а к ней добавили такую кучу разного товара и журналов с картинками, что только что организованный в Гриндавике закупочный кооператив рабочих вдруг растерял в наших глазах весь свой блеск. В глубине души нам очень захотелось открыть в нашем курятнике и продуктовый, и книжный магазины, но страх перед навсегда закрытыми дверьми отчего дома заставил нас в последнем бараке бросить все подаренное на пол.

Среди служивых при этом случился нешуточный переполох. Они бросились засовывать нам в рот подкрепляющие конфеты — видимо, для подпитки энергии, но несмотря на это ни сил, ни мужества поднять дары с пола у нас не появилось. Тогда американцы, сложив все в две огромные картонные коробки и добавив сверху еще добра, повезли нас домой на джипе, убежденные в том, что эксплуатация детей в виде таскания ими тяжестей, конечно же, неизвестна народу, не приемлюще-

му датской тирании¹. Ясно было, что каждый исландец был сам себе республикой — маленькой, но гордой, обутой в избитые по камням ботинки или галоши.

Дороги крадут у ног свободу, потому как если проложена дорога, то ноги впадают в соблазн ходить только по ней. В тот день, однако, американцам пришлось везти нас по никого не обкрадывающему вольному исландскому бездорожью. Они подъезжали к каждому дому и вопросительно на него указывали, но мы только мотали головами, как беспризорники, у которых никогда не было дома. Наконец американцам надоело ездить кругами по поселку, они высадили нас из машины, поставили коробки на землю и уехали, а мы метнулись, как подстреленные, прочь от коробок и появились на пороге нашей кухни с пустыми руками и с чистой на вид совестью. Нас изучающе осмотрели, но, не увидев ни перчатки, ни подарков, решили, что мы честные и невинные — как снаружи, так и внутри. И нам поднесли снятого кипяченого молока с легким привкусом хлеба.

На этой кухне за правило было из кожи вон лезть, дабы не запятнать себя дурной славой. Не запятанная репутация была здесь главенствующей философией и единственной жизненной целью, кроме одной: чтобы всегда было отложено на похороны. Такой великой была тогда ненависть народа к властям, да и к обществу в целом, что каждый житель был себе государством в пределах своей собственной совести, а все помыслы и стремления сводились к тому, чтобы по окончании жизненного пути предстать перед Создателем, как и подобает свободному человеку: без долгов и с пустыми руками, то есть равным Всевышнему в неимении.

Кипяченое молоко с привкусом хлеба (кое-где в окрестных хуторах народ держал коров) было выпито, и мы, с молчаливого согласия кухонных заправителей, пошли на улицу погулять. Теперь нам казалось, опасность миновала, и мы задумали спрятать коробки в надежное место — в пустую картофельную землянку, а потом спокойно, раз в день, наслаждаться поеданием сладостей. При таком раскладе запаса должно было хватить как раз

¹ Исландия, долгое время находясь под властью Дании, боролась за свою независимость. В 1918 году она стала суверенным государством в унии с Данией, а полную независимость обрела только в 1944 году.

до нашей конфирмации¹. Но когда мы вернулись к коробкам, над ними уже стоял Оули Юллу — но-воиспеченный председатель только что организованного закупочного кооператива рабочих, и он изрек:

— Эй! Пацаны! Сбегайте-ка домой за тачкой, а то мне тут как раз привезли товар для кооператива и вывалили прямо на дороге. Если я сам не буду стоять здесь и сторожить, его вмиг сопрут. У этих реакционеров тут повсюду щупальца, особенно у этого чертова коммерсанта Эйнара.

Мы послушно привезли тачку и доставили все в хибару Оули Юллу. Далее коробки с нашей помощью отправились на чердак, после чего Оули раздобрился:

— Ну что, пацаны, вот, можете взять эту перчатку. Отдайте ее вашей мамаше, чтобы надевала, когда будет шерудить в печке под кастрюлей. Это вам вроде вознаграждения — чтобы она не обжигала себе руки. Я специально такие перчатки из Рейкьявика заказал — там ими пользуются пожарные. Вот эта — как раз на правую руку, в ней в самый раз управляться с кочергой, не боясь обжечься до пузырей.

Вступать в препирательства с Оули Юллу не имело никакого смысла, он был из этих новых исландцев — молодой и бойкий на язык. Поэтому из кооператива мы отправились напрямик на прибрежные скалы, запихали в перчатку камень и бросили ее в воду — с той же скалы и таким же манером, как бросаются в море самоубийцы. Внизу под скалой была порядочная глубина, и народ, убитый горем или просто уставший от жизни, поднимал с земли тяжелый, побитый морем камень, засовывал его за пазуху, крепко перевязывал сверху бечевкой и бросался в пучину. И ни к чему потом кричать или сожалеть о содеянном — камень следил за исполнением последней воли.

А осенью в Гриндавике случилось чудо чудное. В один прекрасный день новый учитель в школе нарисовал на доске загогулину и стал рассказывать детям, как оплодотворяется женская яйцеклетка.

— Сперматозоид стрелой влетает в яйцеклетку! — объяснил он и нарисовал маленькую рыбку, пытающуюся проломиться сквозь скорлупу в куриное яйцо.

В тот же вечер нашей соседке из мансарды стало известно, какого рода просвещение про-

исходит в местной школе. По случаю сего злосчастья на нее нашло такое исступление, что у нее зачесались кулаки. Грузно переваливаясь, она расхаживала взад и вперед и топала так, что у нас внизу звенели в посудном шкафу стаканы. Соседку считали женщиной, много повидавшей в странствиях, да еще космополиткой, потому что ей довелось пожить и в Бьяртнаборге, и в Поллюсах². Там она и заимела двух дочерей — от весьма порядочных мужчин, которые дали дочерям свои отчества, но на соседке все же не женились. Теперь она уже была замужем и знала буквально все на свете. Дочки ее тоже были исключительно одаренные, особенно по музыкальной части: они владели искусством выигрывать на губах потрясающий опус «Ви-ви-вэлла-будда-лика-пута-амен». Быстро перебирая пальцами по нижней губе, они извлекали из нее диковинную вибрирующую мелодию, а произнося «будда» и «пута», легко ударяли сжатыми кулаками в надутые щеки, так что воздух хлопком вылетал изо рта хлюпающим пута-звуком, похожим на бульканье во влажной прорехе.

Соседкины дочери также были непревзойденными гениями во всем, что касалось любви. Тут их убеждения резко расходились с убеждениями царя Соломона с его любовными песнями, потому что девчонки, в своем едва заявившем о себе женском расцвете, спешили разбудить любовь и вожделение, не дав тем додремать положенного времени. Они практиковали хитроумные, но в то же время исключительно действенные любовные упражнения, которые годились даже для малых детей, а в особенности для несозревших мальчишек. Девчонки «встукивали» любовь через разные части тела с помощью особого корзинного прутика. В то время были плетеные корзины, и девчонки пользовались лозинкой как некой помесью хлыста с дирижерской палочкой и легкими постукиваниями будили дремавшую любовь. Процесс сопровождался тщательнейшим осмотром, замечаниями, а также колоссальной экспериментаторской работой с телом, и по причине своей исключительной высоконравственности девчонки старались всюю. Осуществлялось все это либо в картофельных землянках, либо в курятниках, где, понизив голос до самого нижнего регистра, девчонки все время повторяли:

¹ В Исландии конфирмация проводится в возрасте 13–14 лет.

² Известные дома для малоимущих в Рейкьявике.

— Ох как возбудился! Ох проказник! Ну пере-стань!

Они были мастерицами обжималок у стены, а под конец «сеанса» говорили:

— Экий охабник! — слово, которого никто не понимал, но его звук хлестко бил и по душе, и по всем телесным органам, так что в конце концов побеждали девчонки, а не склонная к дремоте любовь.

Эти благонравные девицы утверждали, что у светившего на них солнца как сверху, так и снизу был половой член.

Короче, соседка решила, что ее дочерям не место в такой школе — с учителями, рисующими на доске норвящую проскользнуть в куриное яйцо сперму. Дочки были полностью согласны со своей матерью и, возмущенные учительским поведением, ревели, сидя в уголке, подсунув ступни друг дружке в промежность — такой игрой они обычно забавлялись, сидя за столом, когда у кого-нибудь был день рожденья. Наконец соседка, пытаясь с справиться с распившим ее чванством, взорвалась:

— Детей женщине дает Бог! В соответствии с ее возможностями и потребностями!

— Именно так, именно так, он к женскому роду весьма расположен, — поддакнул на это супруг соседки и добавил: — И что этому учителю за дело до оплодотворений? Мало ему забот с учительством?

Ночью даже детям было не до сна, скрипели половицы и кроватные коньки, когда взрослые, возбужденные такой сенсацией, ворочались с боку на бок. А на следующее утро соседка начала собирать подписи матерей под требованием выгнать учителя с работы. В вину ему вменялось то, что он рисовал на доске непристойности, а также что был он коммунист.

Дело, впрочем, получило совсем другой, неожиданный для соседки поворот. Оказалось, что брат учителя как раз женился на дочери коммерсанта Эйнара, который, по сути, владел чуть ли не всем Гриндавиком, а местные закупочные кооперативы как раз против него и организовывались, однако быстро хирели и выдыхались, ведь идеализму часто сопутствует непостоянство, а из них, сложенных вместе, только и получается, что уродство да духовная нищета. В общем, произошло то, что обычно и происходит с высокопочтенными людьми: коммерсант не мог потерпеть на репутации своей семьи такого пятна — чтобы брат его зятя был отстранен от учительской ра-

боты какой-то теткой, чье имя давно уж было опозорено тем, что она нарожала кучу незаконных детей (хоть и от весьма порядочных мужчин). А при таком обороте дел не имело ни малейшего значения, был учитель коммунистом или нет.

Соседка перестала покупать у коммерсанта и перешла к закупочникам, и на том ее истории конец, а учитель, вдохновленный покровительством такой своей знатной родни, заходил гоголем, а ближе к зиме совсем обнаглел и начал на уроках читать «Ангелов-хранителей» Йоуханнеса ур Кетлум¹, а ребятня в школе должна была сидеть и слушать, независимо от того, нравилось это их матерям или нет, потому что ведь даже местный пастор проповедовал, что образование в школе обязательно для всех детей.

А теперь надлежит рассказать о том, что «американ» сжигал порядочную бездну солярки, прибывавшую к нему в зеленых бочках. Бочки после опорожнения складывались высокими штабелями возле проволочного ограждения, тянувшегося вдоль всей американской базы до самой пристани. Когда к причалу подходили возвращавшиеся с моря рыбацкие лодки, дети несли своим отцам еду в старательно выскобленных банках из-под краски. И каждый раз им приходилось проходить мимо этих бочечных штабелей. Глядя на бочки, мальчишки со временем загорелись мечтой заполучить их в свое владение, чтобы, разрезав пополам, смастерить из них железные корабли. Однако по какой-то непонятной причине американцам никак не приходило в голову отдать эти бочки ребятне, которая могла бы построить из них военный флот, а потом потопить его, закидывая камнями и горланя:

— Долой нациста Гитлера! Да здравствует американ! Ура!

И вот как-то зимой, в один ветреный день, в жуткий шторм, какие случаются у нас в Гриндави-ке, учитель сидел и читал своим приневоленным и совершенно безучастным ученикам нескончаемых «Ангелов-хранителей». Он, видимо, полагал, что искусство Йоуханнеса ур Кетлум отвлечет детские умы от дум об американцах и направит их на путь самостоятельного критического мышления. Особенно это касалось девчонок — чтобы

¹ Роман известного своими социалистическими убеждениями исландского писателя Йоуханнеса ур Кетлум о годах оккупации Исландии войсками Великобритании в 1940–1941 годах.

те не попадали в «ситуацию»¹ сразу же после конфирмации. Мечты большинства из них сводились к тому, чтобы поскорее влиться в христианское лоно церкви, а сразу же после конфирмации, уже будучи полноправными ее членами, податься к «американу» в бараки. Попутно этими бесконечными чтениями книги, которая на самом-то деле была слишком сложной для понимания детей, учитель бросал вызов родителям. Он был уверен, что могущественная родня брата станет его верным ангелом-хранителем.

И поэтому учитель, не скупясь, читал и читал, а в тот день был даже вынужден повысить голос, чтобы заглушить рев непогоды и неутрачиваемое бряцанье задвижки в никогда толком не прогревавшейся печке. Ветер на улице бесновался так, что скрипели оконные рамы. В такую погоду на рыбацких детей, как и на их отцов, когда те бывают на суше, нападает сонливость, у них инстинктивно возникает потребность приглушить сном вызываемое штормом непреходящее чувство тревоги. Сон — важный жизненный компонент живущих у моря людей. Сон и сновидения. И сейчас, склонившись на парты, дети клевали носами: штормовая погода обладает затормаживающим действием.

Как вдруг снаружи раздался сильный грохот, будто что-то с размаху тяжело стукнулось о школьную стену и отдалось специфическим металлическим звуком. Учитель оторвался от книги, решив, что звук издала вылетевшая из чернильницы пробка. Чернила за ночь частенько превращались в лед, и девчонки иногда развлекались тем, что, пристроив чернильницу на печку оттаивать, поплотнее забивали в нее пробку. С нагревом внутри образовывалось давление, и в какой-то момент оттаявшие чернила, с шумом выбив пробку, фонтаном вылетали из чернильницы. Но нет — никакого чернильного фонтана не было, и учитель снова принялся за чтение.

Звук удара разбудил дремавшую ребятню, и кто-то через окно заприметил, как на земле у одного из углов школы волчком вертелась захваченная ветром пустая бочка из-под солярки, а огромные штабеля уже порядком накренились в нашу сторону, что нам было как раз на руку. С затаенной надеждой следили мы за поединком ветра с

бочками. Наше возбуждение накалило атмосферу классной комнаты; учитель почувствовал это и обрадовался, что вот наконец-то проснулся наш интерес к литературе, и с удвоенным усердием сосредоточился на чтении, прерывая его в самых удачных местах неожиданными взрывами хохота, а временами бормоча себе под нос:

— Вот тут у него, у Йоуханнеса, хорошо получилось! Вот это ему неплохо удалось! Вот это на него похоже! Вот это мне нравится!

У учителя был весьма упрощенный взгляд на литературу: читателю должно быть близко все, о чем писал писатель. Если же читателю в произведении попадалось что-то незнакомое, значит, то была не литература, а ерунда. Все книги должны были быть исключительно обличительного характера, и чтобы обличение это писателю непременно удалось, и чтобы он в этом был всегда сам себе верен. В этот момент учитель был доволен жизнью: ему удалось установить дисциплину, что случалось нечасто, потому что он путал бесконтрольность со свободой, а любой беспорядок принимал за восстание. Ему хотелось, чтобы жизнь всегда следовала четким непоколебимым правилам.

А непогода за стенами школы не следовала никаким правилам. Еще чуть-чуть, и неистовый ветер подхватит бочечный штабель и перекинет его с территории «американа» к нам! Бочка, захваченная вихрем перед нашим окном, продолжала кружиться в радостном танце — ее забавляла наша смиренность и покорное слушание «Ангелов-хранителей».

Наконец налетел решающий порыв ветра — и сырье для нашего непобедимого флота, поднявшись в воздух, взлетело над колючей проволокой. Не иначе как боги погоды решили усыпать промерзшую каменистую землю несметными богатствами, и класс, взревев от восторга, вскочил на ноги и пугай вылетел на улицу, в штормовой ураган — дабы покрепче ухватить добычу, пока та не ускользнула из рук и ее не унесло в море.

А учитель остался сидеть в школе один-одинешенек со своими «Ангелами-хранителями»...

Итак, поскольку это притча, то в конце, как полагается по обычаю притч, следовало бы сделать поучительные выводы.

Благие намерения не всегда ведут к благому исходу. Часто благие деяния приводят совсем к обратному.

Дети далеко не так невинны, какими кажутся или какими их считают.

¹ Отношения, в которые вступали молодые исландские женщины с военнослужащими британской, а затем американской армии во время их военного присутствия в Исландии, получили название «ситуация» (исл. Ástandið).

Великие народные вожди не всегда такие уж великие, какими хотят казаться или как велит им благородное имя.

Влиятельная родня скорее защитит свою паршивую овцу, чем допустит плешь на свою репутацию. У такой родни в меру паршивая овца считается даже украшением и неотъемлемой составляющей господства.

Литература — вещь бесполезная и совершенно бездейственная в тех случаях, когда мы имеем, с одной стороны, пустые бочки из-под солярки, а с другой — проворную ребятню, жаждущую прибрать к рукам дармовщину.

А в заключение — да обратится каждый к своему разуму и сделает свой вывод. И да обласчит он в одеяния, от которых не несет американщиной. Боюсь, многим тогда придется ходить голышом, хотя вряд ли их правая рука останется неодетой, ведь кое-кто уже поднял за американцев брошенную им перчатку и на себя напялил. Ну а левая рука, похоже, уже ищет ей пару.

Перевод с исландского Натальи Демидовой

Наталья Демидова родилась в 1960 году. Окончила магистратуру Университета Исландии (2016), переводовед и переводчик. Живет в Рейкьявике.

